

МОМОТАРО

Давным-давно в некотором месте жили-были старик да старуха. Вот однажды старик отправился в горы резать хворост, а старуха пошла на реку полоскать белье. Так разошлись они каждый по своим делам.

Было как раз начало лета: толстым ковром стлалась по плотине ярко-зеленая трава, прибрежные ивы свешивали вниз свои зазеленевшие бахромчатые ветви. Все кругом было зелено, зелено так, что глаза разбегались. Время от времени набегал нежным дуновением ветерок, подымая мелкую рябь на поверхности воды и нежно лаская лицо. Хорошо было кругом!

Старуха поставила свое корыто в удобном местечке и, вынимая одну за другой промоченные рубахи и заношенное верхнее платье, погружала их в воду, такую чистую и прозрачную, что ясно можно было видеть, как выскакивала из-под камешков форель. Только и слышно было: шлеп-шлеп, шлеп-шлеп!

Вдруг выше по течению реки бухнул в воду преогромнейший, с копну почти величиной, пер-

сик и, раскачиваясь, пеня воду, поплыл по реке вниз.

— Какой прекрасный персик! — сказала старуха, увидев его. — Шестьдесят лет живу я на белом свете, а отроду еще не видывала такого громадного. И вкусен же, должно быть, он. Вот бы хорошо поймать его да сделать подарочек моему деду... — так рассуждала старуха сама с собою и протянула руку, но персика достать не могла.

Оглянулась кругом: как назло, нигде нет палки. Старуха задумалась, но вдруг ей пришла в голову новая мысль, и, обращаясь к персику, она крикнула:

— Дальняя вода горькая, ближняя вода сладкая. Не ходи в горькие места, иди сюда, в сладкое место! — Несколько раз повторила она это и подставила руки.

И вот удивительное дело! Персик понемногу, понемногу стал приближаться и наконец остановился подле старухи.

— Ага, попался! — воскликнула она и живехонько подобрала его.

Теперь ей стало уже не до стирки. Кое-как сложила она белье и поплелась домой, захватив персик в охапку.

«Обрадуется же старик, когда придет домой», — подумала она и стала его поджидать.

Наступил вечер; и вот старик идет домой, опираясь на топор, как на трость, навьюченный нарубленным в горах хворостом так, что даже головы не видно.

Завидев его, старуха побежала навстречу:

— О, старик, старик! Ты ведь и не знаешь, что я давно уже поджидаю тебя.

— А что? Случилось разве что-нибудь?

— Нет, все благополучно. Я приготовила тебе гостинец. Доволен будешь, когда покажу.

— Вот как! Ты очень внимательна, — сказал старик и, вымыв себе ноги, вошел в дом.

Старуха, с трудом обхватывая персик, поднесла его старику.

— Вот полюбуйся, — сказала она.

Увидев его, старик был поражен:

— Вот так персик! Где же ты купила такую штуку?

— Что? Я совсем не покупала его. — И старуха подробно рассказала все как было.

Слушая ее, старик все более и более удивлялся:

— Ну благодарю. А кстати, я проголодался. Давай-ка поскорее закусим персиком.

С этими словами он принес из кухни большой нож и, положив персик на лоток, совсем уже собрался разрезать его пополам. Только что хотел он сделать это, как вдруг — неслыханное дело! — изнутри персика раздался нежный детский голос:

— Подожди немного, старик!

В тот же момент персик с треском разделился на две половины, и оттуда неожиданно выскочил совсем еще младенец, мальчик.

Как тут не испугаться. Старик и старуха перетрусили насмерть и, ахнувши, запрокинулись назад.

Мальчик стал их успокаивать:

— Не пугайтесь, не пугайтесь. Я вовсе не страшное чудовище. Я спустился сюда по велению не-

бесных богов. Вы оба горевали о том, что у вас до сих пор нет детей; боги прониклись жалостью и пожаловали вам меня. Примите меня как своего ребенка и воспитывайте.

Вот что говорил он им чистым звонким голосом. Как было не обрадоваться старику и старухе, когда они услышали это? Уже давно горевали они о том, что они стары, а детей у них все нет; и вот совершенно неожиданно небо дарует им такого прекрасного ребенка. Какая неопишуемая радость! Они не знали, что им делать, хлопать ли в ладоши, танцевать ли, и чуть с ума не сходили от радости. Старики стали воспитывать этого ребенка, которому дали имя Момотаро¹, так как он вышел из персика, и нежно любили его, как любят бабочек, как можно любить цветы. Идут дни за днями, месяцы за месяцами; летит быстрокрылое время, и вот Момотаро исполнилось пятнадцать лет.

Как у ниспосланного небом, у него не могло быть, конечно, недостатков, ни телесных, ни духовных. Телом он был красив, духом мужествен, кроме того, он обладал громадной физической силой — одним словом, это был богатырь, превосходивший всех и ставший уже сильным, красивым и доблестным мужчиной. Старик и старуха не могли нарадоваться.

Однажды Момотаро обратился к старику:

— Отец! Случайно вышло, что ты стал мне отцом, а я тебе сыном. Долгие годы и месяцы воспитывал ты меня. Беспредельна милость твоя; она выше горы, на которой косят траву, она глубже реки, в которой полощут белье. Я не знаю, как

и выразить мою благодарность, — говорил Момотаро.

Старик смутился:

— Что ты, что ты! Можно ли говорить о такой безделице? Разве есть что-нибудь удивительное в том, что дети пользуются заботами и расположением родителей? А мы ведь стали тебе родителями, а ты нам сыном. Когда ты вырастешь, то в воздаяние за наши заботы ты будешь печься о нас обоих. Мы дали тебе не больше, чем получим от тебя. А что теперь ты толкуешь о благодарности, так ты этим только огорчаешь меня.

— А затем есть у меня одно дело, о котором боюсь и сказать, ибо неловко говорить об этом теперь, когда я еще ничем не воздал за оказанные мне милости. Есть у меня к тебе просьба, не откажи выслушать ее.

— Ты не похож на других людей, и твою просьбу я выслушаю.

— Так вот, прошу тебя, пожалуйста, отпусти меня теперь из дому.

— Что? Отпустить?

— На время только. Я скоро вернусь.

— А куда же ты решил отправиться?

— Ты не поверишь, даже если я расскажу тебе все подробно. На северо-востоке нашей Японии, далеко-далеко в беспредельном океане, есть остров, на котором живут черти. Злы и непокорны эти черти. Они не только не исполняют повелений наших божественных правителей, но, напротив, совершают еще набеги на нашу страну, эту прекрасную

равнину бамбука, уводят и пожирают людей, расхищают добро. Нет на свете ничего ненавистнее их; и теперь пойду я на них походом, сокрушу это отродье одним ударом и верну назад все награбленные ими сокровища, которых они накопили бесчисленное множество. Пожалуйста, разреши мне это, убедительно прошу тебя, — горячо говорил Момотаро, открывая старику все свои заветные планы.

Слушая его, старик удивлялся его смелым не по годам речам и в то же время надеялся, что Момотаро, такой богатырь на вид, да к тому же посланец неба, во всяком случае останется невредим. Хлопнув себя по коленям, он сказал:

— Удивительно! Как же могу удержать я тебя, когда ты говоришь такое. Я отпущу тебя, как ты просишь, но ты поскорее доберись до этого острова чертей, уничтожь их, прекрати несчастье и успокой нашу страну.

Момотаро был очень рад, что старик так легко согласился, и стал благодарить его. От радости мужество его увеличилось в десять раз, и, не откладывая в долгий ящик, он с этого же дня стал готовиться к походу.

Старик принял на себя хлопоты по снабжению его продовольствием в дорогу. Он принес давно уже припасенное им просо, поставил на полу в кухне большую ступку, и оба они, вместе со старухой, постукивая пестами, начали толочь просо, чтобы сделать из него колобки.

Но вот уже и колобки спели. Момотаро наладил свое дорожное платье. Вот он сейчас отпра-

вится в поход. Тяжелое дело разлука! Слезы стали туманить глаза стариков.

— Смотри же, будь осторожен, — говорил один.

— Благополучно возвращайся. Уж как мы ждуть тебя будем, — добавила другая.

А голоса у обоих так и дрожали. Момотаро тоже был потрясен.

— Ну, я иду. Счастливо оставаться. Прощайте, прощайте...

А дальше и не мог уже сказать ничего и, обрывав свою речь, пошел из дому. Долго еще вслед ему смотрели старик и старуха; долго еще оглядывался Момотаро...

Распростившись со стариками, Момотаро быстро пошел вперед и вперед по дороге. Но вот солнце стало на полдень, и Момотаро почувствовал голод. Присев на корни дерева подле дороги, он вынул просяной колобок и начал его жевать. Вдруг из расстилавшейся перед ним покрытой травой равнины показался огромный пестрый пес величиною с доброго теленка. Приблизившись к Момотаро, он уставился на него и, оскалив клыки, начал грозить:

— Гав, гав! Что за непрошенный гость? Как смеешь ты ходить здесь по моим владениям, владениям князя Бути². Отдай сейчас же мне всю снедь, которую ты ешь, а сам убирайся. А не послушаешь, так я тут же изгрызу тебя всего. Гав, гав! Гав, гав!

Момотаро засмеялся:

— Что ты городишь такое, захудалая собачонка! Я ведь иду войной на Чертов остров для блага нашей страны. Я — Момотаро. Если ты станешь пре-

пятствовать мне, то не жди пощады. Я сам разрублю тебя надвое с головы.

Тут пес словно опомнился. Поджав вдруг свой хвост, сделавшись совсем маленьким, он припал к земле и сказал почтительно:

— Я слышал раньше, что есть такой Момотаро, и теперь по незнанию только позволил себе говорить грубо с тобою. Прости, пожалуйста. — И, склонив свою голову к земле еще ниже, он продолжал: — Так ты идешь походом на Чертов остров? Прикажи мне следовать за тобою под твоим началом. Это будет для меня величайшим счастьем.

— Что ж! Если ты так желаешь, то я согласен взять тебя с собою.

— Как ты обрадовал меня тем, что сразу согласился. Ну а затем... Я тоже сильно проголодался. Выдели мне, пожалуйста, одну штучку из тех, что ты ешь.

— Это лучший во всей Японии колобок; целого я не могу дать тебе, а половину дам.

— Благодарю.

Тут Бути получил половину колобка и стал вассалом Момотаро. После этого они быстро зашагали по дороге.

Шли они горами, шли они долами, и все продвигались да продвигались вперед. Но вот однажды, когда они шли, с дерева, стоявшего у них на пути, соскочило вдруг с шумом какое-то животное и пало ниц перед Момотаро.

— Добро пожаловать, добро пожаловать, Момотаро! Ты идешь походом; пожалуйста, возьми

меня с собою, — заговорило оно, но Бути, не дослушав до конца, злобно вытаращил глаза и залаял:

— Вассал у Момотаро — я, Бути. Разве ты, горная обезьяна, годна на что-нибудь в бою? Убирайся сейчас же отсюда, чтобы и следа твоего не было! Гав, гав! Гав, гав! — И он хотел вцепиться в обезьяну зубами.

Обезьяна, у которой испокон веков идет вражда с собакой, тоже не стала молчать.

— Что ты зазнаешься так?! — крикнула она, готовая схватиться за рукоятку меча.

Но меча у нее не было, и вместо этого она оскалила зубы и изогнула когти. Немного еще, и тут началась бы схватка, но вмешался Момотаро и развел их:

— Эй ты! погоди, куда лезешь? А ты, Бути, тоже успокойся.

— Напрасно это, — сказал Бути. — Эта горная обезьяна только опаскудит твою светлость.

— Ладно, это тебя не касается, — сказал Момотаро, удерживая Бути в стороне; затем обратился к обезьяне: — Ну, говори, что ты такое?

Обезьяна почтительно сложила обе лапы и сказала:

— Я живу в этих горах и называюсь Масирой³. До меня дошли слухи, что Момотаро идет войной на Чертов остров, и я непременно желаю отправиться вместе. Извини, что я явилась без приглашения, но, пожалуйста, исполни мою просьбу: повели мне с сегодняшнего дня быть твоим вассалом; ты осчастливишь меня этим.

— Так ты говоришь, значит, что желаешь принять участие в моем походе на Чертов остров?

— Да, если будет твоя милость.

— Ну я удивляюсь тебе. Намерение твое похвально. Вот тебе половина лучшего в Японии колобка. Я принимаю тебя в свои ряды.

С этими словами Момотаро дал Масире оставшуюся после Бути половину колобка и сделал ее своим вассалом.

Так как Бути и Масира относились друг к другу далеко не дружелюбно и, случалось, затевали иногда драку, чем доставляли Момотаро немало хлопот, то в конце концов пришлось отделить их друг от друга, чтобы они не могли ссориться. Момотаро поручил Бути нести знамя и выслал его вперед авангардом, а Масиру он сделал своим оруженосцем и заставил идти за собой. Сам же он шел между ними, обмахиваясь восточным веером в металлической оправе. Так продолжали они свой путь без всяких происшествий.

Но вот однажды, когда они вступили в травяную равнину, неожиданно выскочила из-под ног у них какая-то птица. На ней была красивая одежда из перьев пяти разных цветов, а на голове яркий красный хохолок.

Лишь только увидел ее Бути, как кинулся немедленно вперед, бормоча что-то про себя, и уже хотел было сразу схамкать ее, но птица оказалась не из трусливых — она быстро изготовилась к бою: сжав и выставив свой клюв, расправив когти, она высматривала только удобное местечко, чтобы клюнуть Бути насмерть.

Момотаро видел все это, и птица показалась ему очень занятой. Он подумал, что она могла бы сослужить ему службу, если сделать ее своим соратником. Быстро подбежал он к ним и, удерживая буйного Бути, обратился к птице нарочно грозным голосом:

— Что ты такое, что решаешься чинить препятствие моему походу? Если ты сейчас же подчинишься мне, то я сделаю тебя своим вассалом, но если ты вздумаешь и дальше препятствовать мне, то я напущу на тебя вот этого Бути, и он раздробит твою башку в куски, — грозно сказал Момотаро.

Услыхав это, птица перепугалась и тут же пала ниц:

— О, я давно уже слышал, что есть Момотаро. Я, ничтожный фазан, называюсь Кигису⁴, живу в конце этого поля. Я не знал, что здесь изволит проходить такой великий воин, и безрассудно затеял ссору с благородным господином псом, обеспокоив всю твою свиту. Но ты, великодушный и благородный Момотаро, не только не наказал меня за эту грубую выходку, а, напротив, говоришь еще, что простишь мне мою вину, если я подчинюсь тебе. Как же я могу противиться тебе? Как ты изволишь приказывать, я совершенно подчинюсь тебе. Повели, пожалуйста, мне, ничтожному, быть твоим соратником наравне с господином псом и этой госпожой обезьяной, почтительно и убедительно прошу тебя, — смиренно говорил фазан.

Момотаро улыбнулся в сторону:

— Что скоро принес повинную, за это хвалю. Мало того, беру тебя с собою в поход на Чертов

остров с псом и обезьяной; смотри же, служи верой и правдой.

— Слушаю, — отвечал фазан.

Тут выступил опять Бути:

— Так, значит, эта тварь будет твоим соратником?

— Ты что это? Опять за свое? Я беру себе в товарищи кого хочу. Не твоего ума это дело.

— Слушаю.

— Знайте вообще, что первое правило на войне — это согласие между соратниками. Небом посылаемые явления: тепло, холод, дождь, снег — не так важны, как те преимущества, которые дает земля (складки местности, высоты и т.п.), но, в свою очередь, и выгоды земли не так важны, как согласие между воинами. В воинских правилах говорится, что если между воинами царит разногласие, то трудно победить врага, как бы он ни был слаб. Так вот, с нынешнего дня вы все трое будьте как один и заботьтесь о том, чтобы между вами были мир и согласие. Если же вдруг между вами начнутся ссоры и пререкания, то я тут же прогоню виновного.

С почтением и страхом выслушали все трое это строгое воинское приказание, и, пообещав, что отныне они будут относиться друг к другу с уважением, что между ними не будет ни ссор, ни споров, они крепко поклялись в этом.

После этого Кигису вступил в ряды воинов. Он был очень доволен, когда получил половину колобка, и с радостью в душе последовал в арьергарде отряда. Великое дело — авторитет полководца. Жи-

вотные стали очень дружны между собою и в точности выполняли все приказания Момотаро. Все войско поспешно двигалось вперед.

Чем больше спешили они, тем дальше и дальше продвигались — и вот дошли уже до самого моря. Куда ни глянь, всюду одно только беспредельное, пустынное, унылое море; нет даже маленького островка, чтобы было на чем остановиться глазу. С буйным рокотом набегают на берег грозные волны и, ударившись об него, с яростью отскакивают назад, и кажется, что какое-то чудовище, живущее на дне моря, подымает и волнует всю эту силу воды.

Бути, Масира, Кигису, все трое, привыкли жить на суше, и, как ни круты и опасны были горы, как ни глубоки и обрывисты были долины, они ничуть не боялись, но, когда они подошли к этому громадному, бурному морю, которое видели первый раз в жизни, они почувствовали страх. Остановившись у самой границы прибоя, они не говорили ни слова и только молча поглядывали друг на друга.

Заметив это, Момотаро нарочно заговорил суровым голосом:

— Что смутились, воины? Моря разве испугались? Ну если так, то вы жалкие, слабые насекомые. Если у вас нет мужества, то нечего и думать добраться до Чертова острова, затерянного в далеком море. Лучше отправиться мне одному, чем вести с собою таких бесполезных товарищей. Я вас отпускаю. Ступайте назад, скорее, скорее!

Такие речи поразили вассалов, и они стали цепляться за Момотаро.